

В плену Садового кольца

Катерина КЛАДО

Какое-то время назад наконец призналась себе: я не люблю Москву. Ну ничего с собой не могу поделать, оставила уж всякие попытки примириться с хронотопом воинственно-кудрявого мегаполиса. Раньше думала, что генетика влияет. Отец-то у меня питерский. Даже не ленинградский, потому как тысяча девятьсот девятого года рождения. А меня "родил" в семидесятом. Во какое поколение, богатыри, не вы! Дед был адмиралом, а потом первым комдантом Военно-морской академии с семнадцатого по девятнадцатый, пока его белые не отравили, прямо на корабле. Ну да, принял он революцию. Большой был бунтарь и критик. Даже карикатуру поместили в "Сатирикон": Николаю Второму приносят в качестве подарка на Новый год и век голову Н.Л.Кладу на блюде. Так он громил нашу военно-морскую стратегию во время Японской войны. Бился не на шутку. А кого бы сейчас принесли Президенту на блюдечке? Минкина? Доренко? Какие времена, такие и герои, прости Господи.

В общем, вся моя родня, кроме мамы, до сих пор в этом болотном городе; там, где подъезд называют парадной, белый хлеб — булкой, ластик — стиркой, а мобильник — трубкой. И говорят (старшие) "что" вместо "што", как здесь. Как только попадаю в Питер — сразу мне хорошо и легко делается, хотя оказываюсь там часто то в марте, то в ноябре, когда сверху всякая пакость сыплется, под ногами такая же хлюпает, а ты еще дол-

жен под ветерком этим, местным, аутентичным, что с Финского залива бьет, кажется, прямо в тебя, горемыку, удержаться. Но вот же любовь: не по-хорошему мил, а по-милу хорош. В Питере мне завсегда прекрасно. Как и в Киеве, теплом, благословенном, волшебном, который раз приласкает, приголубит, да и заставит о себе тосковать не меньше, чем Тараса Шевченко, который даже думки свои отправлял на нэньку Украину, где и, правда, "бьется щиро сердце и слово ласкаве". И в Праге мне хорошо. И в Кракове. В Париже — не поверите! — и в том отлично! Про это мне еще Арабов объяснил, узнав про моих парижских предков. Генетика, говорил, вибрации.

А в Москве мне, как-то так сложилось, в лучшем случае — никак. Сколько себя помню, не могу проникнуться нежностью к этому городу-не городу — образованию. Феномену культурно-социальному. Ну что это за город, в котором, чтобы красоту увидеть, нужно смотреть в строго выверенном ракурсе, как в объектив камеры? А скопишь глаз непослушно, и тут же — не новостройка шлакоблочная, так новодел турецкий в рамочку кадра ворвется. Фоток еще можно наделать, а вот погулять так, чтобы на протяжении часов, как в Питере или Киеве, ничего глаз не резало, — увольте. Я, в общем-то, и не могу искренне возмущаться лужковско-церетеливскими архитектурными финтифлюшками. Этот мегаполис ничем уже не испортишь. И не улучшишь. Эклектика и хаос, суэта и томление духа: вот она — столица. Как там у Миро-

слава Немирова: "Москва — смиренню учит. Уже хотя бы размерами". Дальше — нецензурно, а ведь поэт отличный, но не процитируешь его в приличном издании.

Так вот и приходится. Смирению то есть. Преодолевающая отвращение. Плейер в карман, наушник — в уши, и передвигаешься от точки до точки. Не дай Бог глядеть по сторонам. Перемещаешься от одного милого сердцу места до другого, от одних дружественных лиц — к другим. И стараешься не "вестись" на уловки этого русско-го Гонконга, который готовит нам силки, теща наше самодовольство. Довелось жить в логове врага, что ж теперь. Ищи, что может с ним примирить, как, например, Штирлица с кафе "Элефант". Есть и у меня такие места. Туда попадешь, и вроде отпускает. Не то чтобы сразу и навсегда, но легчает на глазах, по крайней мере, пока на улицу не высунешься. Раскрываю явки. Лет семь назад это был "Кризис жанра" — арбатский подвал, где можно было есть дешевый капустный пирожок, слушать музыку и, оглядываясь, не рисковать нарваться на "златую цепь на дубе том". Студенческий такой был клубец. Там тогда один день в неделю обязательно пел Леша Паперный. И как классно было радоваться его песням вместе с владелицей первого такого рода клуба, мамой Леша, Ириной Борисовной. Тогда прямо-таки не верилось: чтобы чудная, добрая, умная — и владелица клуба. Потом появилась еще одна "паперная" точка — клуб "Вормель". На полу уже не сидеть, но по четвергам — опять Лешина группа "Там".

Лешу я помню давно. Довольно много лет прошло с тех пор, как я впервые увидела его на кокетельской набережной, перед столовой Литфонда. Ангельского вида, худой и до невозможности кудрявый еврейский юноша (помнится, с такой же эфирной беленькой ба-

жран и сцену

№ 13 (583), апрель 2001 года

10 страница

рышной) бил тонкими пальцами по струнам гитары и выпевал собственного сочинения песни попеременно с полукрамольным тогда "Шолом Алейхем". У их ног лежала шляпа, куда совписы, проходя на ужин, бросали монетки. В те далекие времена в Коктебеле еще водились эльфы и ангелы, и под каждым им кустом был готов и стол, и дом. Так что, поющая парочка вполне была вписана в донельзя романтический киммерийский пейзаж. Не то теперь. Где тот Коктебель, где те люди... Потом помню Лешу в театре у Марка Розовского, то в "Бедной Лизе", то в какой-то, казавшейся мне дико смешной, пьесе "Учитесь водить автомобиль заочно", кажется, если не ошибаюсь.

Тонкая душевная организация Леша Паперного угадывалась сразу, даже боязно делалось. Это у меня всегда так, бабье какое-то. Как талантливый кто и трепещущий на ветрах — так я его жалеть-сочувствовать. Больно так жить, а как иначе? Все это видно в текстах Лешиних песен. В них смесь из абсурда, наполняющего повседневность (местами похоже на Заболоцкого), как песок — крымские сандалики. И р-роковые, "цыганские" страсти, которых автор не боится, не создавая ложной дистанции, хоть и отстраняясь иронически. Так не боится показаться смешным тот, у кого за спиной нет защитного плацдарма. Пафос его лирических и страстных песен будет покрыт флером нарочитого кича, утеплен юмором, но от этого не меньше щемит на душе. Так уютный, осязаемый московско-дачный мир Лешиних стихов веществен и наполнен деталями в лучших обэриутских традициях. И потому он на глазах обретает фантастические черты.

И появляются звенящие комары, струйками пронзающие пространство песен, и гуси, у которых на знаме-

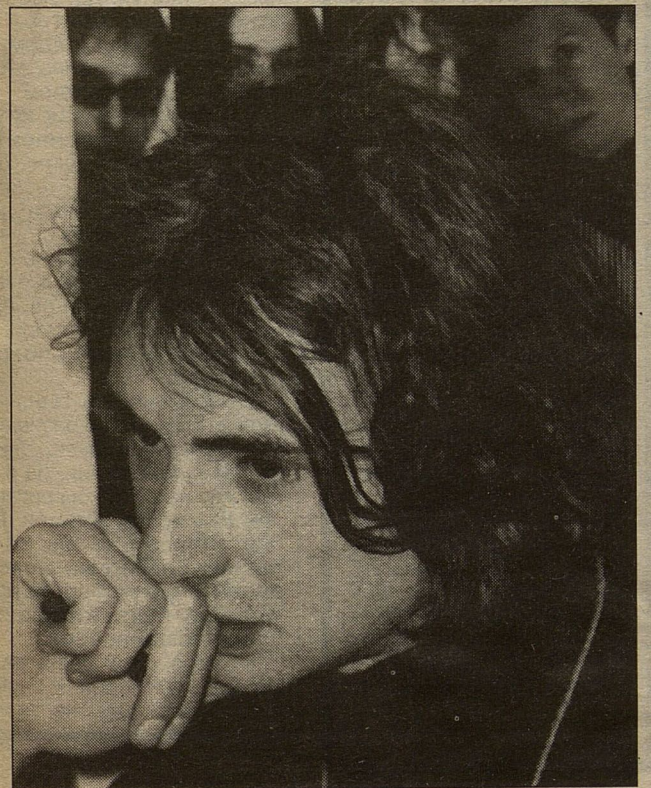
жран и сцену

№ 13 (583), апрель 2001 года

ни написано "Ага!", черепаха в скворечнике "тихо, как девочка, спит". В этих текстах нет натужного философствования, но ирония в сочетании с любовью рождает свою философию, и рисуют свою, особенную картину мироздания. "И все, что было-было вокруг меня. Все — то. Все — так". Такой вот буддизм.

Между прочим, и музыка, которую сочиняет Паперный, хороша хотя бы потому, что не вписывается в план, не подпадает под критерии. Тут и традиционные баллады под гитару, и, явно милые сердцу музыканта, цыганские аллюзии и... Короче, авторская музыка, ни в коем случае не путайте с авторской песней. Кто-то из знакомых провинциальных радикалов обвинил Паперного в избалованности. Дескать, родился бы в Кривом Роге, в простой семье, слушал и пел бы Летова или "Комитет охраны тепла". Но, как говорится, есть ворон, есть журавлик. Да, Паперный типично московский "строгий юноша", да, он рос в литфондовском детсаду. И его песни далеки от чужой боли чужих людей. У него своя правда. Поэтому и собираются на его концерты москвичи, уже полтора года в новом "паперном" клубе "Китайский летчик Джао-Да". Чтобы воспринять тот уровень отношения к миру, что слышен в Лешиних песнях, конечно, стопроцентно московских. И если что-то примиряет меня сегодня с агрессивно лязгающим мегаполисом, где, как сказано в "Алисе в Зазеркалье", "...даже чтобы оставаться на месте, нужно очень быстро бежать", то это, в частности, Леша, Ирина Борисовна и места их обитания, открытые, что важно для меня, самым разным "альтернативным" музыкальным группам. Тепло там, живо и правильно.

• Алексей Паперный

11 страница